

Виктор Бычков

Когда поёт жаворонок

остросюжетная военно-
историческая повесть

Виктор Бычков

Когда поёт жаворонок

«Издательские решения»

Бычков В.

Когда поёт жаворонок / В. Бычков — «Издательские решения»,

Лейтенант Прошкин выходит из окружения и становится невольным свидетелем расстрела фашистами евреев. Помогает спастись девушке Гиле из могилы. Выводит группу евреев за линию фронта.

© Бычков В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Когда поёт жаворонок
остросюжетная военно-
историческая повесть
Виктор Бычков

© Виктор Бычков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Ванька бежал, как никогда еще не бегал. Позади его подгоняли лай немецких овчарок, треск автоматов, гортанные крики и команды на чужом языке. Винтовка с примкнутым штыком то и дело касалась прикладом земли, прыгала, вырывалась из рук, штык цеплялся за кусты и ветки. Дыхание сбивалось, пот заливал глаза, силы заканчивались. Даже воздуха не хватало, чтобы вдохнуть полной грудью. Круги перед глазами туманили сознание, ноги становились тяжелыми, чужими, не хотели слушаться: еще кое-как переставлял их и сам удивлялся этому.

– Ванек, беги, беги, сынок! – это его товарищ сержант Сизов кричит.

Иван на мгновение остановился, оглянулся назад, перевел дыхание.

– Беги, беги, Ваня! – помкомвзвода уже лежал за толстым стволом поваленной березы, снимал с пояса гранаты, пристраивал удобней винтовку.

– Прощай, сынок, не поминай лихом! – и выстрелил куда-то в лес, туда, где лаяли собаки, кричали немцы.

– Дядя Толя-а-а! – сил не было ни говорить, ни бежать, и лейтенант медленно побрел к болоту, что виднелось за редкими деревьями. Винтовка волочилась по земле, оставляя после себя бороздку на росной траве.

А за спиной гремела стрельба, среди которой звоном в ушах отдавались резкие, хлесткие выстрелы винтовки дяди Толика, да лаяли овчарки.

Уже брел по пояс в болотной жиже, когда раздался первый взрыв гранаты, винтовочные выстрелы становились все реже и реже, потом до него докатился отзвук еще одной взорвавшейся гранаты, и наступила тишина.

У Ивана хватило сил добрести по горло в воде до небольшой кочки, что приютила на себе уродливую березку с чахлыми листочками, которая каким-то чудом умудрилась зацепиться за жизнь в болоте на этом клочке земли с длинной и жесткой осокой.

Обошел ее, затаился. Слезы непроизвольно побежали по щекам. Он плакал от жалости к себе, к Сизову, который наверняка погиб, как погибла сотня сослуживцев из их мотострелковой роты. Даже когда немцы столпились на берегу, открыли беспорядочный огонь по болоту и пули зацокали, забулькали вокруг кочки, не перестал плакать. Его охватило полное безразличие к себе: хотелось погибнуть или уснуть навсегда здесь, в трясине, чтобы только быстрее прекратился этот кошмар, который преследует его вот уже больше месяца.

Очнулся оттого, что в рот попала вода, закашлялся и с ужасом почувствовал, что болото засасывает в себя, в пучину. Судорожно стал цепляться руками за осоку и только резал их, не чувствуя боли. А спасительная березка все отдалялась и отдалялась, уже никак не мог дотянуться до ствола, вода подошла ко рту, приходилось неимоверно вытягивать шею, чтобы глотнуть хоть чуточку воздуха, а руки все месили и месили болотную жижу у кочки.

– Ма-а-ама! – промычал с водой во рту Иван, как никогда ярко и явственно почувствовав приближение собственной смерти.

Ремень винтовки скользнул с плеча прямо на руки. Удержал, вытащил винтовку, успел выплюнуть жижу изо рта, набрал как можно больше воздуха и погрузился в воду почти по самые уши. А руки уже ухватились за приклад винтовки, глаза отыскали березку, штыком коснулся ее, руки напряглись, тело чуть-чуть приподнялось из болота. Но этого было достаточно, чтобы перевести дух, глотнуть чистого воздуха. Опять зацепился штыком за ствол, стал вытягивать себя из трясины. Там, в воде, в месиве, умудрился скинуть сапоги, и стало легче, а вот, наконец, и березка в руках.

Обессиленный, лежал в жиже, обхватив намертво ствол дерева, тяжело дышал, приходил в себя. И только тут начал понимать, – как хочется жить! Господи! Как хорошо видеть солнце над головой, дышать чистым воздухом, ощущать себя живым и здоровым! А еще совсем

недавно хотелось умереть. Какая чушь! Вот и комары заявили о себе, дали почувствовать, что его тело ощущает боль, значит – оно живое.

От укусов комаров лицо омертвело, засохшая коркой торфяная жижа стягивает его, даже глаза открываются с большим трудом.

Который час?

Посмотрел вверх – солнце висело почти над головой.

Полдень. Сколько находится здесь?

Кажется вечность.

А тогда солнце только-только взошло, когда пришлось бежать вместе со своим помощником командира взвода сержантом Сизовым. С дядей Толей.

...Его, двадцатилетнего выпускника пехотного училища лейтенанта Прошкина Ивана Назаровича, назначили командиром взвода в воинскую часть под Брестом. Сразу после краткосрочного отпуска убыл к новому месту службы. Прибыл в часть к вечеру. Двадцать первого июня на вечерней поверке его представили взводу.

А на следующее утро уже была война. И взводный только успел познакомиться со своим помощником, призванным месяц назад из запаса, сорокапятилетним сержантом Сизовым. И звал его не по-уставному – дядя Толик или по имени-отчеству – Анатолий Иванович.

В то первое военное утро их гарнизон более часа бомбили немецкие самолеты, сменяя друг друга.

Когда выдвинулись на исходные рубежи, от полка осталось не больше батальона. И его весь день на марше бомбили с воздуха. Уцелело около сотни бойцов вместе с командирами, да знамя полка, которое намотал на себя сержант Сизов.

Потом были бои. Иван потерял им счет, только помнит, что в последних двух боях уже командовал он, как единственный из офицерского состава полка. Правда, и людей тогда осталось всего одиннадцать человек

Вот эту группку и выводил из окружения лейтенант Прошкин.

Они не смогли за ночь перейти широкое ржаное поле и дойти вот до этого леса. Их заметили на рассвете с воздуха: одиночный немецкий самолет все кружил и кружил над красноармейцами, пока за них не принялись прибывшие на машинах солдаты с собаками.

Шестеро однополчан остались там, во ржи, прикрывать товарищей, а пятеро еще успели добежать до кромки леса и принять бой.

Ещё трое бойцов из этой пятёрки уже полегли здесь, у опушки.

Потом их осталось двое: он, лейтенант Прошкин Иван Назарович, и помощник командира взвода сержант Сизов Анатолий Иванович.

Они ещё продолжили бой, но силы были не равными.

Когда их окружали, сержант Сизов снял с себя знамя полка, помог прикрепить солдатским ремнем на тело Ивана.

– Уходи, сынок, я тебя прикрою как смогу. А ты беги. Помнишь, на карте за этим лесочком должно быть болото? Уходи в него, затаись и потом пробирайся к своим.

Какое-то время еще вдвоем пытались оторваться от немцев, бежали сквозь реденький лес, но сил уже больше не было. Враг неумолимо приближался, окружал. Тогда-то и прокричал дядя Толик:

– Беги, Ваня, беги, сынок!

И лейтенанту Прошкину ничего другого не оставалось, как бежать.

А теперь он здесь, в болоте.

Обхватив берёзку, приходил в себя, вспоминал, анализировал, вслушиваясь в тишину. Немцев слышно не было. Да и ничего не напоминало о недавнем бое.

Кое-как промыл болотной водой лицо, сильно, как мог, оттолкнулся от деревца, побрел обратно к берегу. Упал на твердую землю, прислушался к себе – нет, ничего не болит, только

дрожь да сильная усталость разлились по всему телу. И вокруг тишина, шелест листвы на ветру да стрекот кузнечиков.

Заставил себя подойти к тому месту, где в последний раз видел сержанта Сизова, к его последнему огневому рубежу.

Обезображенное взрывом лицо, разбросанные вокруг личные вещи из солдатского сидора – видно, немцы ковырялись в вещевом мешке.

Далеко уходить не стал, а выбрал местечко рядом с местом гибели товарища, снял с пояса саперную лопатку, встал на колени, приступил рыть могилку.

Тело сержанта уложил на дно неглубокой ямки, прикрыл плащ-палаткой и только потом присыпал землей. Долго, с любовью выравнивал могильный холмик, обстукивал ладонями, заглаживал. Еще дольше провозился, пока соорудил что-то похожее на крест из двух палок, соединенных между собой корою лозы, установил.

Нашёл в сидоре сержанта клочок бумажки, химический карандаш. Печатными буквами вывел фамилию, имя и отчество товарища, дату гибели, прикрепил к кресту.

Отыскал незнакомый ему цветок с голубыми лепестками, сорвал, воткнул в изголовье, рядом положил пилотку дяди Толика, потом все же снял с нее звездочку, немного подержал в руке, прикрепил к своей гимнастерке. На память. Подобрал с земли разбросанный бритвенный прибор Сизова, замотал в тряпицу опасную бритву и помазок, бритвенный стаканчик, забрал с собой. Очистил от земли и мусора несколько сухарей, бросил в вещмешок.

Постоял, склонив голову у могилы однополчанина, потом посмотрел вверх, определил направление по солнцу и решительно зашагал на восток.

На краю болота в зарослях кустарника, что тянулся вдоль небольшой поляны, отыскал твёрдое дно, разделся, снял знамя, сполоснул в чистой воде, разложил высушить на траве. Сам зашел в воду, смыл с себя торфяную жижу, потом простирнул исподнее, брюки, гимнастерку, развесил все на кустах, остался нагишом, подставляя тело под последние лучи заходящего солнца. Прочистил и промыл винтовку, протер, пересчитал патроны – осталось восемнадцать штук. То же проделал и с пистолетом: две целые неизрасходованные обоймы остались лежать с начала войны, не пришлось воспользоваться. В бою больше доверял винтовке, в рукопашных – штыку. А пистолет так и находился в кобуре как обязательный атрибут офицера для ближнего боя и последний аргумент, последнее средство не сдать врагу живым.

Долго выдержать голышом не смог: комары не давали покоя, пришлось натягивать на себя волглое белье.

Для ночлега облюбовал ельник с невысокими, но густыми елочками, что плотно прижались друг к дружке. Забрался вовнутрь, под лапы, улегся на мягкий слой иголок. Отложил клапана пилотки, натянул на голову как можно глубже, закрыв уши, щеки, уткнул лицо в растянутый ворот гимнастерки, уснул мгновенно, даже не успев почувствовать назойливый писк комаров.

...Отныне ориентировался только по всходящему солнцу, и каждый день намечал направление на ночь. В светлое время суток предпочитал укрываться, пережидать, чтобы потом наверняка пройти десяток-другой километров, но и не упускал возможности, если местность позволяла идти и днем. Иногда за дневной переход, по его подсчетам, удавалось преодолеть и все пятьдесят километров.

Вот и сегодня решил обойти большое село днем. Для этого пришлось передвигаться по оврагу, что тянулся строго на восток вдоль грейдера в обход населенного пункта.

Глубокий, заросший по сторонам мелким кустарником и редким березняком, он надежно скрывал Ивана от посторонних глаз. Тропинки, протоптанные по самому дну стадами коров, позволяли передвигаться без видимых усилий.

Уже ближе к полудню со стороны дороги услышал громкие голоса, команды на немецком языке. Взобравшись на кромку обрыва, спрятавшись за густые заросли чернойбылы, увидел,

как понуро брела огромная толпа мужчин, женщин, стариков и детей под конвоем немецких солдат. Унылая процессия шла вдоль оврага, что метрах в ста от Ивана подходил почти к самой дороге.

Прошкин увидел вдруг, как из толпы полетел сверток, покотился по склону, мелькнул меж небольших березок и исчез из поля зрения. В этот момент охрана почему-то начала оттеснять людей от оврага, громче, резче стали команды.

Лейтенант ужом скользнул вниз, на дно, метнулся в то место, где должен был упасть таинственный предмет.

Еще не добежал до изгиба, как услышал детский плач, больше похожий на писк, чем на голос ребенка. Однако то, что плакал малыш, сомнений не было – это был детский плач.

Над обрывом, зацепившись за березку, лежал орущий темный сверток.

Судорожно хватаясь руками за небольшие выступы, корни деревьев, Ваня полз наверх к этому странному объекту, который кричал, не переставая.

– Господи, только бы не услышали немцы.

Взяв его на руки, огляделся вокруг. Колонна уже скрылась из виду. И дорога была пуста.

А ребенок, оказавшись на руках, сразу затих, успокоился.

Спустившись опять на дно оврага, и почувствовав себя в относительной безопасности, Прошкин дрожащими руками приподнял уголок одеяльца, что прикрывал лицо младенца. Из свертка на него смотрели темные глазки-миндалинки на смуглом личике.

– Странно, очень странно, но кто и зачем выбросил дитё? – сам себе задавал вопросы и не находил ответа, недоуменно озираясь вокруг.

– Оставить его здесь? – что-то подсказывало, что так и надо сделать. Личная безопасность превыше всего.

Но тут же кто-то другой внутри него даже не допускал такой возможности, корил того, первого, за жестокость:

– Ты что, дурак, что ли? Это ж... это ж... но что же делать? Вот влип, так влип!

А ребенок опять захныкал, слышно было, как заворочался на руках лейтенанта, недовольно закричал.

«Не было печали, черти накачали», – откуда-то на ум пришла вдруг поговорка Ваниной мамы.

– Что же делать? – сам говорил, а руки уже непроизвольно качали находку, убаюкивали, однако ребенок продолжал хныкать, готовый вот-вот сорваться на плач.

– Тихо, тихо, маленький, все будет хорошо, – другие слова не приходили на память. – Успокойся, мой хороший, успокойся.

Поднялся, перекинул за спину винтовку, взял ребенка на руки и медленно, тихонько стал уходить по дну оврага подальше от дороги. Пока шел, малыш молчал, хлопал глазками-бусинками, но стоило только остановиться, как сразу же начинал крутиться, хныкать.

– Что ж тебе надо? – бубнил под нос Прошкин. – Наверное, мамкину сиську, да только где ж я ее тебе возьму? Молочка бы раздобыть, мой хороший.

Это мысль понравилась ему, и вдруг осенило: там, где будет брать молоко, там же и оставит ребеночка. Вот и выход! Значит, надо идти к людям. Как же он об этом раньше не догадался?

Ваня повеселел и уже придумывал способ, как пробраться до какой-нибудь ближайшей деревушки с сердобольными и щедрыми старушками. Почему-то казалось, если кто и заберет ребенка, так только кто-то старенький, из пожилых, обязательно какая-нибудь бабушка.

Теперь его находка уже не молчала, а снова плакала не переставая. Не помогали укачивания, уговоры.

– Что ж тебе надо? Может, раскрутить тебя?

Недолго думая, выбрал местечко, хорошо освещаемое солнцем, положил сверток на траву, развернул: мокрые пеленки сразу поставили все на свои места.

– Не хочешь мокрым ходить, мой хороший? – разговаривал с ребенком, как с взрослым. – О! Девочка! – то ли удивился, то ли обрадовался Иван. – Надо же! А я думал, что пацан. Хотя, какая разница?

Распеленатая малышка лежала, смотрела вокруг, смешно болтала ручками и ножками, пыталась что-то гукать, тянула пальчики в рот. Прошкин развесил на кусты мокрые пеленки, молча смотрел на ребенка, обхватив голову руками.

«Куда это годится, что ж это такое – с таким довеском выходить к своим? Самому не знать, как пройти, а тут дитенок? Да-а, история, скажи кому – не поверят. Но зачем выбросили ребенка, вот вопрос? Постой, а куда гнали толпу? Кажись, военных среди них не было? Точно, не было. И ребяенок смугленький, на нерусского похож. Что ж это значит? А чем кормить его? Еще час-другой, и он потребует поесть. А что ему дать? С ума сойти! Вот влип, так влип!», – в который раз корил себя Прошкин.

– Надо к людям выходить, факт.

На всякий случай нащупал оставшиеся сухари в кармане, вспомнил, как кормила на вокзале цыганка своего ребенка. Тогда она завернула кусочек хлеба в марлю, смочила в воде, сунула в рот малышу. К удивлению Ивана, тот не выбросил, с аппетитом зачмокал.

И мучительно пытался вспомнить, как же называется такая соска, такой способ кормления детей. То ли сусли, то ли ещё как.

– Да Бог с ним, с названием. Главное, чтобы помогло.

Не стал откладывать такое дело на потом, а оторвал от исподней рубашки кусок тряпки, помял в руках сухарь, плотно закрутил. Смочил водой из фляжки, дал время сухарю размякнуть.

Кое-как запеленал девочку, она уже не плакала, а все водила и водила глазками вокруг, пока они не стали слипаться, и малышка уснула.

– А как же соска? – Прошкин вертел в руках свое изобретение, не зная, куда его можно приспособить. Потом аккуратно засунул под одеяльце, опять закинул винтовку за спину, взял ребенка на руки и снова зашагал по оврагу. Ношу свою нес бережно, аккуратно, стараясь не задеть ненароком за куст, не уронить. Босые ноги ступали мягко, неслышно, и опять настроение вернулось к Ивану.

«Не все так уж и плохо, черт побери! Из любой ситуации есть выход. Надо только найти его».

Радужные мысли Прошкина прервали вдруг раздавшиеся впереди выстрелы. Они слышались впереди по курсу, из лога, оттого были четкими, резкими, эхом отдавались по всему оврагу. Хорошо различал звонкие винтовочные, глухие хлопки пистолета, татаканье пулеметов, дробь немецких автоматов.

Девочка захныкала, заворочалась, Иван тут же достал самодельную соску с сухарями, сунул ей в рот. Она сначала крутила головкой, морщила личико, капризничала, выбрасывала её изо рта, потом все-таки зачмокала, засосала, глазки опять стали слипаться, и ребенок уснул, не выпуская соску.

– Ну, вот, и успокоилась, моя хорошая. Спи, спи, красавица.

Выстрелы прекратились, только нет-нет да прозвучит хлопок пистолета. Лейтенант осторожно прошел еще немного вперед до поворота оврага, где тот круто менял свое направление, уходил вправо, расширялся настолько, что края его были на достаточно большом расстоянии друг от друга. Прижался к обрыву, выглянул из-за куста: чуть впереди прямо по дну лога был вырыт длинный ров. На его краю стояла толпа совершенно голых людей. Достав бинокль, Прошкин разглядел и мужчин, и женщин. Вокруг них сустились немцы, пулеметные расчеты лежали у обрыва, человек пятнадцать-двадцать солдат с винтовками и автоматами сто-

яли напротив обнаженных смертников. По бокам, заложив руки за спину, в фуражках с высокими тульями расположились офицеры. Дальше просматривался и еще один ров с длинным земляным бруствером вдоль него. Пустой.

Ваня замер, затаив дыхание, наблюдал из укрытия, прижав девчонку к груди.

Один из офицеров взмахнул рукой, загрели выстрелы, люди падали в ров, некоторые оставались лежать на его краю. Тогда несколько солдат подходили, сталкивали труп в яму. Они же перемещались вдоль рва, стреляли уже в мертвых, добивали раненых.

Только теперь до Ивана дошло, что та группа людей, которую он видел буквально час-два назад, и есть эти смертники. И, видимо, мать этого ребенка понимала, куда их ведут, что их ожидает, выбросила свою девочку в надежде на чудо.

Не смея двинуться с места, наблюдал, как солдаты в спешке засыпали ров землей, несколько раз прошли ногами сверху, утаптывая. Другие – уносили снятую с жертв одежду, предварительно сложив ее в большие, вместительные серые мешки.

Немцы стали собираться, потянулись наверх, к стоящим там машинам.

Прижавшись к обрыву, Ваня молил Бога, чтобы только не заплакала девочка, не выдала их своим плачем: по оврагу он был бы очень хорошо слышен. А она как будто понимала это, посапывала на руках с самодельной соской во рту.

Прошкин не сразу решился подойти к тому месту, но и обойти его тоже не мог. Его маршрут пролегал как раз мимо рва, и надо было идти.

Убедившись, что машины с немцами уехали, сделал первые робкие шаги.

Обходил стороной, почти прижимаясь к самому обрыву, а взгляд, как замороженный, был прикован к длинной ужасной могиле. Остановился, пораженный: земля надо рвом дышала, шевелилась.

Вдруг заметил, как в одном месте, ближе к краю рва, движение стало более активным: из-под земли сначала появилась кисть, а потом и вся рука, хватаящая воздух. Затем показалась голая спина, а за ней и голова с неестественно серыми волосами, пересыпанными песком.

Застывшим взглядом с замиранием сердца смотрел Прошкин, усилием воли заставляя себя оставаться на месте.

Глава 2

Гиля только что встала из-за стола, собралась убирать посуду после завтрака, как в дом зашел местный полицай и сосед Василий Сивушков.

– Здесь проживают евреи Канторовичи? – по-хозяйски окинув взглядом комнату, взял со стола булочку, аппетитно зачавкал.

– Ты понимаешь по-русски, дева? Чего молчишь?

– Дядя Вася, вы говорите, как будто мы не знакомы, – Гиля застыла посреди комнаты с посудой в руках, с недоумением взирала на мужчину. – Конечно, здесь.

– Так, во-первых, не дядя Вася, забудь это советское прошлое, а господин полицай. Понятно, морда жидовская?

– П-понятно, – от неожиданности девушка стала заикаться, дрожащими руками поставила посуду обратно на стол. – П-понятно, господин полицай.

– Где остальные? Мне нужны все Канторовичи, а то потом скажете, что я вас не предупреждал.

– Папа и мама в местечковой больнице, вы же знаете, дядя Ва... господин полицай, – Гиля уже справилась с волнением, постаралась взять себя в руки. – Остальные здесь, дома.

– Что сказал этот человек? – дедушка Шмуль, приподняв занавеску, выглянул из своей половины, приложил руку к уху.

– По-русски говори, – полицай повернулся к старику. – А то я стою как дурак, хлопаю глазами, а вы, может, сговариваетесь меня убить.

– Простите его, господин полицай, он не понимает по-русски. Не обижайтесь, он добрый. Спрашивает, что вы сказали.

– Знаю я вас, добреньких, так и норвите на чужом горбу в рай въехать. Ровно в двенадцать часов дня быть в полном составе с вещами на площади. Приказ немецкого командования, – и направился к выходу.

– Зачем, куда? – девушка кинулась вслед, ухватила Сивушкова за рукав уже во дворе. – Куда нас, зачем, дядя Вася? Умоляю, скажите.

– Не знаю, если честно. Велено передать, чтобы все, с вещами, и чтобы без опозданий. А не то – худо будет, дева. Германцы шутить не любят, – мгновение подумал, поправил шапку и все же пояснил:

– Хотя я слышал краем уха, что отправлять вас будут осваивать новые земли в Палестине. Больно вы для этой цели подходите. Да, чуть не забыл, – мужчина хлопнул себя ладонью по лбу. – Желтые повязки должны быть обязательно.

Когда Гиля снова вошла в дом, ее уже ждали дедушка Шмуль, бабушка Роза, жена старшего брата Бася с трёхмесячной дочуркой Хаей на руках.

– Всё, – девушка опустила на стул, бессильно уронив голову. – Всё, – добавила через секунду.

– Что, что всё? – забегали, заволновались домашние.

Ребенок на руках у матери захныкал, огласив дом громким детским криком.

– Успокой Хаю! – строго потребовал дедушка. – Только и умеете, что шуметь. Говори, Гиля, чтобы я слышал.

Девушка слово в слово пересказала разговор с полицаем, не забыла и про желтые повязки, которые с первого дня оккупации местечка было приказано носить всем евреям. В доме наступила тягостная тишина, которую нарушила бабушка Роза.

– Чует мое сердечко, что последний день мы видим друг друга, – и запричитала, уткнувшись лицом в ширму.

Глядя на нее, зарыдала Бася, потом не выдержала и Гиля. Дом наполнился разноголосым плачем, причитаниями, в которых выделялся тонкий детский голосок маленькой Хаи.

– Тихо! Тихо! – дедушка Шмуль стукнул ногой по полу. – Тихо, я сказал!

Прошелся по избе, дождался, когда женщины немного успокоились, продолжил:

– Шутить с немцами не стоит, нация очень серьезная. Я сейчас схожу до раввина Фишеля. Может, отблагодарить господина гебитскомиссара Пауля Вилле, и нас не станут трогать? Какой дурак откажется от подарка, если его дает бедный еврей?

Дедушка ушел, а бабушка стала срывать покрывала с кровати и складывать туда вещи. Гиля и Бася помогли ей, когда вошли мама и папа. К ним в больницу заходил начальник полиции Николай Пастушко и выгнал их домой собираться к переезду. Папа был молчалив как никогда, мама еще сдерживала себя, украдкой вытирая слезы.

– Никто не смел так вести себя с главврачом больницы, как этот полицай Пастушко, – мама все-таки не выдержала, поделилась с домашними. – Забежал, буквально вытолкнул из кабинета папу взащей, не дал даже снять халат. Хам!

– Успокойся, Ирэн, не об этом надо думать, а о том, как спастись.

– Папа, – Гиля с тревогой посмотрела на отца, – ты думаешь, это так серьезно?

– Да, – Яков Аронович снял очки, нервно протер носовым платком. – Надо спастись. Вчера мне говорил один пациент, что в соседней деревне расстреляли несколько еврейских семей. Я тогда не поверил, а вот сейчас у меня возникли тяжкие, тревожные предчувствия: с чего это немецким властям так заботиться о еврейском народе? Он и сам может за себя постоять. Вот что странно.

– Яков, неужели ты думаешь, что такая цивилизованная нация как немцы сделает тихим, порядочным евреям плохо? – мама не находила места, бегала по комнате, нервно перекладывая то одежду в узлах, то переставляя стулья. – Это же не лезет ни в какие рамки, это же средневековье, если не первобытный строй, когда сильный поедает слабого. Но здесь не дикари, надеюсь.

– Хватит паники, – отец решительно встал, взял Гилю и Басю под руки, отвел в сторону. – Вы сейчас же уходите из дома, пробирайтесь в соседний район в деревню Борки. Там работает врачом мой лучший друг и однокурсник Дрогунов Павел Петрович. Ты, Гиля, должна его помнить. Найдите его, скажете, что я направил вас. За ним вы будете как за каменной стеной. Все, не ждите, уходите сейчас же! – закончил в приказном тоне, не стал дожидаться согласия, считая вопрос решенным, повернулся к бабушке.

– Не надо ничего брать, если поведут, то только на расстрел.

Услышав такое, бабушка Роза опустила на тюк с одеждой, и снова заголосила. Но на этот раз никто не поддержал и не стал успокаивать: все стояли, оглушенные, подавленные и растерянные.

– Раввина Фишеля больше нет, – дедушка Шмуль зашел в дом, облокотился на посох, скорбно опустил голову. – Его душа уже там, наверху, смотрит на нас, радуется, что закончились её земные страдания и начинаются наши мучения. Вот так всегда: как только нам становится трудно, раввин сразу оставляет нас одних.

– Что это значит? – Яков Аронович тормошил дедушку за плечо. – Что это значит?

– А то и значит, сынок, что раввина убили, застрелили только что на моих глазах. Несчастный, даже не успел прочитать молитву.

Бася с Хаей на руках, Гиля с небольшим узелком с едой и одеждой через огород пробирались к реке. Надо было перейти ее вброд, а затем уже лесом добираться до Бобруйска. В городе папин брат дядя Давид должен помочь им переправиться через Березину, чтобы потом двигаться на деревню Борки, что находилась в тридцати километрах среди огромного лесного массива. Когда-то, лет десять назад, папа возил всю семью в гости к Павлу Петровичу Дрогунову, однако Гиля за это время забыла дорогу туда. Тем более, что ездили они тогда на попутных машинах в кузове, а сейчас надо будет идти тайными тропами по лесам. Папа нарисовал

маршрут на листке бумаги, но Гиля больше надеялась на местных жителей, которые смогут показать дорогу.

– Стой! Руки вверх! – выскочивший из кустов незнакомый полицай с винтовкой в руках встал на их пути. – Куда это вы, гражданочки? – самодовольная улыбка расплзлась до самых ушей. – Если к нам на свидание, то мы всегда рады будем!

– О-о! Какие крали! – откуда-то взялись еще несколько человек, стали окружать девушек, а кто-то из них сразу же обхватил Гилю сзади, крепко стиснув груди.

– Хлопцы, зачем такой шанс упускать? – первый полицай уставился на Гилю, пожирал глазами. – Дай ее мне, Барисик, это ж кровь с молоком!

– Чур, я первый! – тот, что держал Гилю, рванул на ней кофточку, обнажив девичью грудь. – А ты, Лёнчик, бери другую. Я не люблю объедки.

– Так... дитё... – тот, которого назвали Барисиком, на некоторое мгновение растерялся.

– Выбрось дитё! – второй полицай зло хохотнул. – Вон река, и дело с концом. А ты мамкой займись. Иль тебя учить надо как с бабой обходиться?

Бася прижала орущего ребенка, с дикими глазами отступала назад, в свой огород. Гиля закричала, пытаясь вырваться из лап полицая. Изловчившись, выскользнула из объятий, оставив в руках мужчины клочок волос, она бросилась вслед за Басей.

– Держи их! Ату! – неслось вдогонку, попеременно с матерками и громким мужским смехом.

Не веря в спасение, девушки кинулись обратно к дому, не разбирая дороги, не прячась. И сразу же наткнулись на группу односельчан, что уже брела по улице местечка под охраной солдат.

Немцы тут же схватили девушек, грубо затолкали в толпу.

Среди односельчан были и родители.

– Что ж вы так? – разочарованно спросил папа. – Эх, вы!

Мама забрала Хаю, стала укачивать.

– Там... там... – Бася заикалась, всё ещё не могла отойти от пережитого, говорила несвязно, голос дрожал, срывался.

Было такое впечатление, что еще чуть-чуть – и женщина упадет в обморок прямо посреди дороги.

Дедушка успел подхватить ее под руки.

Гиля все пыталась прикрыть тело порванной полицаями кофточкой. Бабушка Роза сняла с себя платок, накинула на внучку.

Больше они ничего не говорили, брели молча.

Заплакала Хая. Бася взяла ее на руки, стала кормить грудью.

Когда вышли за околицу, в поле, стало ясно, что ведут их к Солдатскому логу, который тянется от местечка в сторону Бобруйска, пересекает небольшую речушку и опять бежит еще многие километры до самой Березины. В некоторых местах он был узким, глубоким, с высокими обрывистыми берегами. В других местах берега расширялись, овраг тогда становился мелким, широким. Поэтому местные жители называли его кто Солдатским оврагом, кто – Солдатским логом.

Папа шел между Басей и Гилей, держал под руки.

– Девочки мои, пробуйте бежать, я вас прошу.

– Как, папа? – Гиля еще не отошла от встречи с полицаями. – Как, папа? Вон их сколько с оружием вокруг нас. Судя по всему, всё местечко оцеплено. И нас на берегу реки... Посмотри на Басю – она не в себе.

Отец и дочь в очередной раз обратили внимание на Басю: глаза молодой женщины безумно взирали на окружающих, сама она бледная, с посеревшим лицом, прижимала к груди дочку, не откликалась, не отзывалась, что-то шептала про себя.

– Я тебя прошу, девочка моя, не теряй рассудок, не трусь, – наставлял папа. – Старайся спастись, спастись любой ценой. Я верю в тебя, ты все сможешь.

Потом повернулся к Басе, заговорил с ней:

– Сейчас дорога вплотную подойдет к оврагу, Басенька. Вместе с Гилей прыгайте в него, скройтесь. А мы начнем в толпе шуметь, отвлечем охрану. Вы же хорошо знаете овраг, все ходы и выходы.

Но молодая женщина только глянула на свекра безумными глазами, еще крепче прижала ребенка, отрицательно потрясла головой.

Они шли уже вдоль оврага.

Его склоны, густо заросшие березняком, тянулись рядом с дорогой, манили, звали к себе. Но Гиля одна не решалась на побег, звала Басю, просила, требовала.

– Ну, чего ж ты?! Давай, давай, Басенька, бежим! Ещё чуть-чуть, и будет поздно.

Однако Бася не откликнулась, смотрела безумным взглядом вокруг, словно не понимала о чём говорит Гиля. Или не слышала.

В это время отец вместе с другими мужчинами затеял потасовку на той, противоположной от оврага стороне, начали шуметь.

Охранники забегали, занервничали, громче стали отдавать команды, угрожающе замахали оружием.

Гиля не отставала от Баси.

– Бежим, бежим, Басенька! Чего же ты?

Но она лишь в очередной раз кинула невидящий взгляд на собеседницу, и вдруг оторвала от себя Хаю, сильно размахнулась и бросила ребенка в овраг, в кусты.

Гиля растерялась, замерла, с ужасом наблюдая, как сверток полетел, покатился по склону. О себе забыла, упустила момент. Охранники уже начали толкать в спину, уплотняя толпу.

Обезумевшая, Бася закричала диким голосом, рванулась вслед за ребенком. Солдат сначала оттолкнул ее винтовкой, потом удобней перехватив оружие, с придыханием вогнал штык в грудь женщине. Она еще дернулась, замахала руками, и тут же упала на дорогу. Немец выдернул штык, перешагнул через труп, двинулся вслед колонне.

Гиля повисла на руках у отца, бессильная сделать хоть шаг. Дедушка и папа вели ее под руки, а она еле переставляла ноги. Ничего не воспринимала, не видела, брела, как в бреду: где мама и бабушка, как и что с ними – выпало из памяти.

Пришла в себя уже на дне оврага у длинного, свежевырытого рва, когда немцы потребовали всем раздеться.

Гиля видела, как обреченно обнажались люди, складывали одежду в кучи: женскую – отдельно; детскую – отдельно мальчиков, отдельно девочек. Мужчины раздевались чуть в стороне.

И детей было много, удивительно много, Гиля только сейчас заметила это. Грудных ребятишек раздевали, снимая пеленки, распашонки и складывали в маленькую кучку, что была на отшибе, почти у края оврага.

Бабушка Роза помогла Гиле раздеться.

Девушка смотрела, как обреченно, безропотно выстраивались голые, беззащитные люди в какое-то подобие шеренг. И опять рядом был папа. Казалось, его это не касалось, не пугало, он не терял рассудок, мог рассуждать здраво, поддерживал дочь, успокаивал. Не сразу, но до Гили стали доходить слова отца:

– Старайся стать за спиной у меня. Как только дадут команду стрелять – падай, падай лицом вниз, замри, не дыши. А там как Бог даст. Но не теряй рассудок, ты сильная, ты все сможешь, я в тебя всегда верил.

Грудных детей вырывали из рук матерей.

Двое солдат брали младенцев за ручки-ножки, раскачивали, затем подбрасывали в воздух надо рвом. Небольшая группа солдат и офицеров стреляла по летящей цели

Следом вдоль рва, на самом его краю, выстроили малолетних мальчиков и девочек лицом к яме. Голеньких. Убивали выстрелами в затылок, спокойно передвигаясь от одного к другому.

Потом приступили к подросткам.

Этих расстреливали из пулеметов, группа солдат с оружием помогала пулеметчикам.

Когда очередные жертвы оказались во рву убитыми, туда, в скопление трупов, бросили несколько гранат, и куски человеческих тел разлетались вокруг, со шлепаньем падали на землю.

Взрослых сначала заставили спуститься в ров, уложить тела уже убитых детей и подростков рядами в штабеля и только потом их самих выстроили в одну длинную шеренгу у края могилы.

Несколько раз вдоль шеренги обреченных проходила группа немцев, внимательно рассматривая обнаженных людей: с мясом срывали сережки, выкручивали пальцы с кольцами, снимали другие драгоценности.

Папа стоял рядом, дедушка прижимался к Гиле с другого бока, шептал молитву. Мама с бабушкой замерли со стороны папы.

– Прощайте, прощайте, мои родные. Пусть Господь даст вам силы, – голос дедушки Шмуля долетал как сквозь вату.

В сознании осталась одна единственная, последняя мысль – упасть раньше, чем станут стрелять. Так требовал папа.

Расчеты залегли за пулеметами, изготовились для стрельбы солдаты – вскинули винтовки и автоматы. Папа и дедушка еще плотнее прижались к Гиле, почти полностью прикрыв ее своими телами. Она уже не видела взмаха офицера, даже его команда «Feuer!» еще не была понята ею, как руки папы и дедушки столкнули ее в ров на трупы детишек.

Теплые, ещё неостывшие, окровавленные тела снизу, бешеная стрельба, тела убитых сверху – сознание девушки помутилось, покинуло ее, и она сама растворилась среди мертвых, ничуть не ощущая себя живой.

Сколько длилось беспомыслие – не знает, выпало из сознания.

Очнувшись, пришла в себя от тяжести, что навалилась сверху, и от нехватки воздуха. Со спины давило, правую руку в локте чем-то прижало, но самое ужасное – нечем было дышать. Стоило приоткрыть рот, чтобы втянуть хоть маленькую толику воздуха, как тут же рот забивался землёй. Крутила головой, с трудом находила положение, когда можно было хоть чуть-чуть вдохнуть.

Когда всё же сознание прояснилось, до Гили дошло, реально начала понимать, что она лежит во рву среди убитых, засыпанная землёй.

Охвативший ужас вверг девушку в шок, граничащий с потерей сознания.

Лицо упиралось в чье-то еще теплое, слегка шершавое и соленое тело, соленый привкус был и во рту. Даже тот мизерный воздух, что удавалось втянуть в себя, был соленым. Но не было тишины. Один тяжелый вздох сменялся на такой же тяжелый, с сипением выдох. И шевеление. Этот звук шел отовсюду – снизу, сверху, с боков. Она на секунду замирала и явственно слышала, как дышит, тяжело, с хрипом, дышит и шевелится земля.

Снова ужас и отчаяние на грани паники охватили Гилю. В то же время, она не ощущала себя даже раненой. Чувствовала своё тело невредимым. Лишь тяжесть земли и чей-то труп сверху... и трупы... трупы... трупы... снизу, с боков, отовсюду. И она, живая, среди них, в могиле... И катастрофически не хватает воздуха... Чувствует, что ещё чуть-чуть, и она задохнётся, останется здесь.

Девушка стала метаться, крутиться, приподнимать себя, насколько позволяло ограниченное со всех сторон пространство. Руки упирались в скользкие, липкие, теплые человеческие

останки, которые еще мгновение назад были телами, живыми людьми; земля потихоньку осыпалась со спины. Освобождалось пространство вокруг лица, уже можно было сильнее втягивать те жалкие крохи воздуха...

Однако никак не удавалось сбросить с себя что-то тяжелое, остывающее тело, что лежало поперек девушки, не давало выпрямиться, вырваться из могилы, вдохнуть хоть капельку свежего воздуха. А она надеялась, что он именно там, вверху, сразу за этой преградой.

Теряла сознание, лежала, не помня себя – где она и что с ней. Потом сознание возвращалось, чтобы тут же смениться ужасом, оцепенением.

Но именно страх двигал ею, заставлял действовать.

Разом исчезли тысячелетиями приобретенные человеческие знания, интеллект, а на смену им из глубины веков появился звериный инстинкт самосохранения. Это он вызывал, будил в ней обостренное чутье, изворотливость, находил ранее неведомые физические силы, что до поры до времени дремали где-то в укромных уголках ее девичьего тела.

Легла бочком, скорчившись, подобрала под себя ноги. Голос далекого предка руководил, подсказывал, что только в такой позе она сможет проскользнуть, проползти под лежащим сверху телом, преодолеть очередную преграду.

Напряглась из последних сил, руки упирались, скользили, не находили опоры, утопали в человеческих останках, но почувствовала вдруг, что поменялась со вставшей на ее пути преградой местами.

И замерла, застыла, отдыхая, выковыривала языком землю изо рта, выплёвывала. Втягивала в себя такой живительный, такой желанный воздух, которого становилось все больше и больше.

Сверху уже ничто не давило, только слой земли снимал жар с ее пылающего тела. Хватило сил подняться, встать на колени, вытянуть руку. Рука качнулась в пустоте.

Снова напряглась, выпрямилась...

Перед глазами мелькнул дневной свет, вдохнула чистый воздух. На мгновение вернулось сознание, и тут же исчезло, уступив место беспомощности.

Глава 3

Оцепенение лейтенанта Прошкина длилось недолго: еще не понимая, что и как надо делать, бросился к человеку, взял его на руки, положил рядом со спящим ребенком, разглядев в нем женщину. Метнулся обратно ко рву, как смог заделал, засыпал ногами землю в образовавшейся ямке. Ваня понимал, что надо как можно быстрее уходить с этого страшного места, пока немцы не вернулись: чуть дальше была выкопана еще одна длинная траншея-могила, и она была пуста.

Прислонил спасенную женщину к склону оврага, похлопал по щекам. Голова моталась из стороны в сторону, да изо рта текла грязная струйка слюны.

Вдруг женщину начало тошнить. Она корчилась, каталась по траве, содрогаясь всем телом.

Иван снял фляжку с водой, поднес ко рту женщины. Глотнув раз-другой, она впервые осознанно посмотрела на Прошкина.

– Кто вы? Где я? – ужас отразился в ее темных, чуть навывкате глазах. – Пустите, не надо! Вся сжалась, вскрикнула.

Прошкин смотрел, пораженный видом девушки: молодое, красивое, чуть-чуть смугловатое лицо и совершенно седые волосы. Даже брови поседелели.

– Уходим! Уходим скорее! – взял на руки ребенка, помог подняться девушке и быстро, насколько позволяли его попутчики, направился по оврагу на восток.

– Быстрой, быстрой! – тревожным шепотом торопил Прошкин, поминутно оглядываясь назад. – Они могут вернуться.

Солнце палило из-за спины, вдогонку, когда лейтенант со спутницами подошли к месту, где лог раздваивался. Одно ответвление уходило дальше по прямой. Другое, помельче, с небольшим ручейком по самому дну – вправо, к колку, который резко выделялся на фоне большого пшеничного поля.

Спасённая девушка, вцепившись в руку лейтенанта, не поднимая головы, бежала рядом.

Иван свернул вправо, углубляясь в сторону лесочка, что манил к себе, притягивал своей удаленностью от мрачного лога.

Они уже были на окраине колка, когда захныкала, заворочалась девочка. Прошкин отвернул покрывало, поправил соску с сухарями – она была пуста.

– Вот тебе раз! – улыбнулся, глядя на малышку. – А еще не хотела, капризуля. Опять мокрая.

Опустившись на колени, собрался распеленать дитя, как к ним подбежала девушка, взглянула на ребенка и вдруг осела на землю рядом с Иваном, протянув к малышке руки.

– Хая, Хаечка! Не может быть, Хая!

Прошкин с недоумением смотрел на девушку, но на всякий случай отгородил рукой ребенка.

– Но-но, потише, гражданочка! Какая еще Хая? Я ее нашел! Иди лучше к ручью, умойся, а то ребенка напугаешь!

– Это наш, наш ребеночек, наша девочка! – протягивала руки девушка. – Моя племянница Хаечка! Бася... овраг... бросила... – в который раз зарыдала, и всё тянулась и тянулась к ребёнку.

– Вот оно что-о-о! – Прошкин соединил все сегодняшние события в единое целое и теперь сидел, с удивлением взирая то на ребенка, то на его тетю. – Вот оно что! Скажи кому – не поверит. Но это меняет дело, – в голосе Ивана впервые за этот день появились нотки надежды.

Малышка лежала на покрывальце, гукала, сосала пальчики. Девушка стояла над ней на коленях.

– Гражданка! Гражданочка, – лейтенант тронул за плечи девушку, произнёс с иронией:

– Ты нагишом долго ещё будешь деморализовать личный состав?

– Ой! – подскочила та с земли, сжалась вся, прикрывая себя руками. – А что ж мне делать?

– Сначала сходи к ручью, умойся, а я что-нибудь придумаю.

Девушка убежала, лейтенант разделся, снял с себя исподнее белье, надел на голое тело галифе и гимнастерку.

– Вот теперь порядок! – довольный, принялся готовить новую соску малышке.

Пеленки сполоснул в ручье, развесил сохнуть на кустах, когда девушка стыдливо окликнула Ваню:

– Я помылась, а что дальше?

– Вот одежда, можешь одеваться, – указал на белье, что лежало рядом с ним.

– Отвернитесь, мне стыдно. Или бросьте сюда.

– Ну, цирк! Два часа мелькала передо мной голой, а тут застеснялась. На, лови! Извини, что без стирки – прачечная отстала! – добавил, не оборачиваясь к девушке.

Гиля надела на себя солдатские кальсоны, рубашку, вышла из-за куста, с ожиданием уставилась на лейтенанта.

– А дальше что? – в который раз спросила она, смущенно потупив взор, поддергивая длинные, широкие, то и дело сползающие штаны.

– Вот же бабье племя! – то ли с восхищением, то ли осуждающе произнес парень. – Только что с того света спаслась, а уже боится показаться смешной! Плюнь на все! Сейчас что-то подтянем, что-то подкатаем, и будет хоть куда. А как тебе зовут?

– Гиля, меня зовут Гиля.

– А лет тебе сколько, Гиля? – спросил Прошкин, привыкая к имени.

– Девятнадцать. В мае исполнилось девятнадцать.

– Девятнадцать? А меня зовут Иван, Ваня Прошкин. Иван Назарович Прошкин, лейтенант, если что.

– Вот и познакомились, – Гиля опять одёрнула кальсоны. – Как же быть мне теперь?

– Подойди сюда, – попросил девушку Иван. – Надо подвязать веревочки снизу, штрипки называются, и на поясе веревочкой стянуть. А рубашка и так сойдет, только рукава подкатай чуть-чуть.

Заплакала Хая, Гиля кинулась к ней, взяла на руки, прижала к себе и вновь горько зарыдала, вспомнив вдруг, воскресив в памяти кошмары сегодняшнего дня.

Иван какое-то время молча наблюдал за ней, потом подошел, тронул за плечи, повернул лицом к себе.

– Вот сейчас ещё поплачь маленько, и всё, успокойся, – не отводил взгляда от ее заплаканных глаз. – Нам думать надо, что дальше делать. И ребенка кормить надо. Сейчас мы с тобой ответственны за девочку.

Его голос, уверенный тон не дал ей еще больше терзать себя, заставил собраться, вспомнить, где находится и что отныне она ответственна за единственного близкого ей человека на этой земле.

– На, дай ребенку, – Прошкин подал Гиле самодельную соску с последним сухарем. – Больше кормить нечем. И плакать не надо, напугаешь еще малышку.

– Хорошо. Не буду. Что это? – с недоверием смотрела на Ванькино изобретение. – Тряпку Хая не ест.

– Тогда дай ей грудь! – разозлился Прошкин. – Или приготовь ей кашку! Лучше на молочке! У меня ела, потому что другого нет, и в ближайшие часы вряд ли будет!

Гиля брезгливо взяла, долго смотрела на изжеванную тряпочку с размоченным сухарем, потом все же нерешительно поднесла ее ко рту малышки. К большому удивлению, та тут же присосалась, зачмокала, пытаясь ухватить ручками. Девушка отвела их, запеленала, подняла полные благодарности глаза на Ивана.

– А вы где этому научились?

– Жизнь и не такому научит, – лейтенант крутил головой, внимательно прислушиваясь: мгновение назад до него долетело эхо выстрела. Или показалось?

– Что ты «выкаешь» со мной, Гиля? Мы же почти ровесники, мне двадцать два года, скоро двадцать три. Разве это разница, чтобы на «вы»?

– Хорошо, – просто ответила та. – Чего вдруг насторожился?

– Ты ничего не слышала минуту назад? Мне послышался выстрел. Осмотреться надо.

– И мне послышалось, но я не стала говорить, думала – показалось.

– Так больше не делай, – лейтенант замер: до них явственно долетели звуки выстрелов.

– Обо всём, что покажется подозрительным, сразу же сообщай мне. Вот, слышишь? Пулемет поливает. Оставайся здесь, я – на разведку.

– Нет, нет, только не это! Я боюсь! – девушка кинулась к Прошкину, загородив дорогу. – Я боюсь, боюсь! – глаза округлились, губы задрожали, слезы брызнули, потекли по щекам. – Не оставляй нас, я боюсь! Я не выдержу одна, сойду с ума! Мне страшно!

– Хорошо, хорошо, успокойся. Никуда я не пойду, так и быть, – Ваня сел под берёзку, жестом приглашая девушку сесть рядом. – Только не кричи. Видишь, ребенок спит. Я тебя никогда теперь не брошу, не бойся. Садись, надо обсудить наши дела.

Девушка безропотно подчинилась, взяла на руки племянницу, качала, с надеждой смотрела на своего спасителя.

А день уже клонился к вечеру. Спала жара, на смену ей спешила ночная прохлада. Стихли выстрелы, на землю опускалась тишина. Только комары все никак не желали уйти на покой и все настырней и настырней звенели, норовили облепить любой участок тела.

Гиля веточкой отгоняла комаров и от Хаи, и от себя. Лейтенант сидел на траве, поджав ноги по-турецки, в очередной раз чистил винтовку.

– Сначала я расскажу немного про себя, потом ты про себя расскажешь. А то как-то неудобно – вроде вместе, а друг про друга ничего не известно.

Рассказывал долго, обстоятельно, еще и еще раз прокручивая в памяти все события, свидетелем и участником которых был; о людях, что попадались на его пути за этот короткий срок с начала войны. Про знамя полка умышленно не упомянул.

Гиля слушала, не спуская с рук ребенка, сама не знала, с чего начать разговор. Слишком свежи были воспоминания, спазм перехватывал горло, глаза наливались слезами. Прошкин прекрасно понимал это и потому не торопил.

Он смотрел на ее растрепанные длинные волосы, которые в сумерках стали приобретать пепельно-серый цвет, сливаясь с лицом хозяйки.

– А у тебя какие волосы были? – не выдержал, спросил Гилю. – Имею в виду цвет.

– Черные, конечно, – ответила девушка. – Ведь я еврейка, а у нас чаще всего волосы черные.

– Так это евреев расстреливали? А за что? Воевали против немцев? Оказали сопротивление?

– Не знаю. Наверное, потому что евреи.

– Дикость какая-то. Так не бывает. Я понимаю, когда военные, с оружием в руках. Но чтобы вот так? Дикость, – повторил еще раз, и надолго замолчал. – Даже с пленными нельзя так поступать, они же безоружные.

– Законы пишутся для нормальных людей, а это – звери, хуже зверей, – девушка снова заплакала.

– Извини, давай об этом пока не будем. Надо думать, что делать дальше, как быть сейчас. Я так понимаю, что девчонкой займешься ты, а мне надо на ту сторону фронта к своим. Я – офицер, и мое место должно быть на фронте. Ты где останешься? Здесь? Или пойдешь куда-то?

– Ты хочешь нас бросить? – Гиля настороженно смотрела на Ивана. – Если я правильно поняла, ты уходишь от нас?

– Да, час, другой побуду с вами, и – вперед! – взмахнул рукой куда-то в сторону. – Больше меня здесь ничего не держит. Самая большая проблема была с девчонкой, но она удивительным образом разрешилась, – довольная улыбка коснулась губ Ивана.

– А как же мы? – до этого мгновения она еще не думала ни о своём будущем, ни о племяннице.

Вопрос встал перед девушкой непреодолимой преградой. То, что она не останется в местечке – даже не обсуждается. Она боится представить, что ей придется вернуться домой. Кто ее там ждет? И что ее ждет в родном доме?

– Ваня, а как же мы? – жалобно спросила Гиля.

Девушка вдруг с ужасом представила себя одной, с Хайей на руках, ночью, рядом с оврагом, где расстреляны её родные и близкие, где она чудом спаслась из могилы. Нет, только не это! Такая картина – выше её сил, за гранью понимания.

– Не бросай нас, я тебя умоляю, – встала вдруг на колени и поползла к лейтенанту. – Нет, нет, я здесь никогда не останусь! Лучше сразу убей нас, застрели, только не это!

Лейтенант замешкался, не торопился с ответом, усадил девушку рядом, обнял за плечи. Заговорил тихо, боясь нарушить тишину ночи и разбудить ребенка:

– То, что мне надо за линию фронта, к своим, ясно, как божий день. И я дойду туда, чего бы это мне ни стоило. Но вот что делать с тобой, с вами – я не знаю. Правда, не знаю. По крайней мере, я не вижу вас рядом с собой. Подожди, не перебивай, – видя, что Гиля пытается вставить слово, остановил ее.

– Ты сама подумай: по лесам, болотам, без пищи, в любую погоду. Об опасностях я уж и не говорю. Ладно, я солдат, и мне положено терпеть, а ребенок? Ты о нем подумала?

– Нет, это ты о нас подумай! – вдруг резко, зло произнесла Гиля, не до конца дослушав лейтенанта. – Мы идем с тобой. Откажешься, бросишь, я сама пойду, одна, но только никогда не останусь здесь. Пусть мы погибнем в пути, только не вот так, как убивали нас сегодня! – плечи затряслись, задергались. – Такого больше не переживу.

Она плакала, прижимаясь к плечу лейтенанта.

Ему было искренне жаль ее, ребенка, но он понимал, что идти с ними вместе – верх безрассудства: и сам не дойдешь, и их погубишь. В то же время не находил веских убедительных слов, чтобы отговорить девчонку.

– Сначала вы не защитили нас от этих извергов, зверей в форме немецких солдат, – отстранилась от Ивана, устремив взгляд куда-то в темноту, заговорила снова все тем же резким, злым голосом. – Оставили нас, беззащитных, на растерзание этим нелюдям, чтобы нас убивали, издевались над нами.

– Знаешь, это... – Иван заерзал, готовый ответить, осадить девчонку, поставить на место, но слова застряли в горле.

– А ты послушай, послушай, защитничек! Думаешь, мне легко говорить такие слова? Армия не смогла, не защитила нас, а мы на нее надеялись. Вас для этих целей держали, обучали, кормили и поили. Может быть, ты найдешь веские причины этому, но нам-то от этого не легче. Это не тебя, а меня, моих родных, моих земляков сегодня убивали, глумились над нами. Это не ты, а я вернулась с того света! И сегодня ты бросаешь нас опять, оставляешь один на один с нашими бедами, с нашим горем, с извергами в человеческом облики. Ну, что ж, солдат, иди, предавай в очередной раз, нам уже не привыкать к этому. Но помни – я сильная! Пойду одна, только вряд ли таким как ты станешь стыдно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.